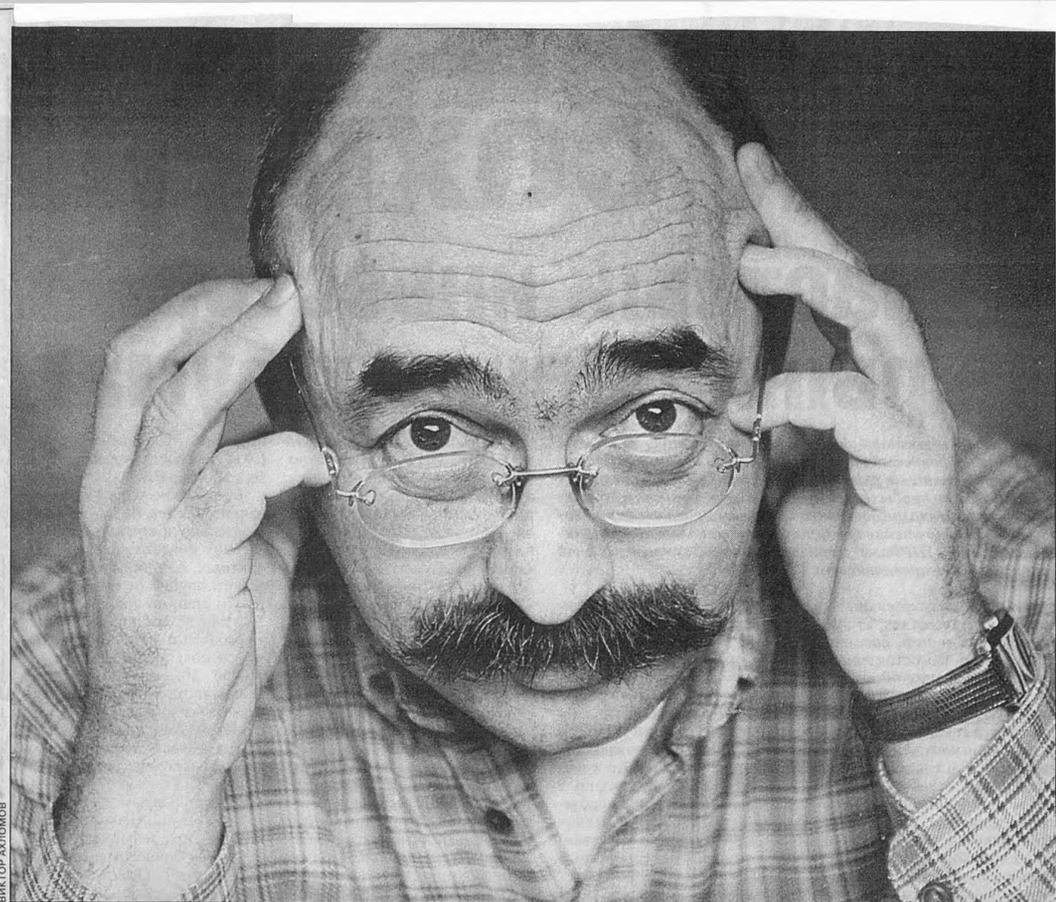

Андрей Бильжо: *Искренне, -2000, -17 марта, -с. 5* Я люблю девушек с веслом

ВИКТОР АМОСОВ

Биографическая справка

Андрей Бильжо родился в 1953 году. Кандидат медицинских наук, член Союза художников. Окончил 2-й Московский медицинский институт. Работал психиатром в Институте психиатрии АМН СССР. С 1976 года публикует в различных изданиях свои карикатуры. С 1991 года работает художником издательского дома «Коммерсант». Главный художник журнала «Магазин Жванецкого». Владелец ресторана «Петрович». Сотрудничает с ОРТ и НТВ. Женат. Сын Антон — выпускник факультета журналистики МГУ.

А. БИЛЬЖО

— Здравствуйте, Андрей Георгиевич!
— Здравствуйте. Хорошо, что пришли именно вы. Я ведь без ложной скромности скажу, часто интервью даю. Но с молоденькими девушками решил больше не разговаривать. Тут приехала одна из Питера, мультфильмов моих на ОРТ не видела, программа «Итого», которая уже два года на НТВ идет, не смотрит, карикатуры про Петровича в «Коммерсанте» ей не попадались. Ничего обо мне не знает! К интервью надо подходить серьезно: заезть в Интернет, посмотреть работы, вопросы подготовить, порасспрашивать обо мне.

— Но то интервью хорошим, интересным вышло?
— Я рассказал что мог, а она потом свои вопросы подставила!
— Иногда человек отвечает так обстоятельно, что подготовленные вопросы просто не успеваешь задать.

— Я бы на ее подставные вопросы совсем по-другому ответил! Надо, чтобы все правдиво было. Но вы опытный человек. Подготовились?
— Я расспрашивала у общих знакомых, о чем Бильжо любит поговорить. Ведь интервью — обязательно допрос, оно получается, когда человек говорит о том, что ему самому интересно. К тому же штатский профессионально свой юмор бережет для гонорара. Вы, например, с Шендеровичем только серьезные беседы ведете?
— Иногда я бываю в ударе и здорово шучу, но по какому — с трудом. Вот я несколько раз ездил в Петербург на фестиваль юмора «Золотой Остап». Там все участники, главные наши остроумцы, беспрепятственно шутят. Сядешь в автобус, чтобы ехать на обед, и сразу начинают шутить. Происходит бесконечная пикировка, каламбуры сыплются — не без расчета, конечно, на оценку. У меня от этого портится настроение. Я в тоску-депрессию впадаю. С Шендеровичем я не так часто встречаюсь, а вот и Иртеневым мы дружим. И шутим, если шутка к месту и рождается сама собой, но чаще спорим, ругаемся. А когда протест пошутить, например, за столом — это конец. Я покрываюсь холодным потом и стараюсь как можно больше выпить, чтобы снять напряжение. Так вот, я знаю только одного человека, у которого с ходу почти всегда шутка получается — это Жванецкий. Есть, знаете, юмор лестничной клетки. Тебя в жаке полили, ты выходишь оплеванным, а потом находишь отличный ответ, но не возвращаешься. Вот я такой. Я часто теряюсь.

— Спасибо, вы очень подробно ответили на первый во-

прос, но если так дальше пойдет, то на все остальные у нас места не хватит.
— Ничего, я верю: вы выдержите. Можете кое-что в случае чего вырезать. Так вот, первое место в быстроте парирования занимает Жириновский. Вы только заканчиваете фразу, а у него уже готов ответ. Сейчас Жириновский утратил свое отрицательное обаяние. Такой значительный стал и противный.

— Готовясь к интервью, я подумала, что если профессиональный юморист, как правило, зануда, то психиатр — отличный собеседник. Вы ведь успешную карьеру в психиатрии сделали, диссертацию защитили. О чем она была?
— Она была очень актуальной. Шел 86-й год, стали говорить о регрессивной психиатрии, были наезды на психиатров, ставился вопрос о новом законодательстве.

— В то время было очень трудно госпитализировать больных. Не тех, что находились в пограничных состояниях, а настоящих «сумасшедших», с галлюцинацией, бредом, агрессивным поведением. Тогда, к слову, погибло несколько психиатров, их убили. А диссертация моя была посвящена выделению при юношеской односторонней шизофрении. Есть такой тип болезни. Сейчас, правда, многое пересмотрено в ее диагностике, но в области синдрома — это такие сложные состояния во время пубертатного периода, то есть в юности. Юношеское состояние, например, у французов считается до 28 лет. Так вот, я находился в больнице, делал описания их состояний за прошедшие годы. Это называется катмез.

— Анамнез?
— Анамнез — это история болезни. А катмез — это исследование отдельного периода в истории болезни. У меня был собран катмез таких больных за двадцать лет. Я исследовал, что с ними произошло за это время, и если с человеком все было нормально, то я предлагал снять его с психиатрического учета. Ведь этот социальный хвост тянулся за людьми всю жизнь — им не давали водительские права, не выпускали за границу, не принимали на работу и так далее. В то время были жив академики Снежевский, который и ставил людям эти диагнозы. Я ему показывал больных, читал истории их болезней. А это были большие истории — 25–30 печатных страниц, литературно написанных. Я своими историями болезней тогда в институте славился. И тогда больных можно было снимать с учета. Кстати, среди них были очень известные теперь люди.

Пресс прессы

«Успех телеигры зависит не только от вопросов, но и от играющих. По моим наблюдениям, команды матерых творческих работников чаще всего проигрывают. Была однажды команда из знаменитых умников и остроумцев: Андрей Бильжо, поэт Иртенев и даже, если память не изменяет, сам Шендерович. Они не только проиграли, но и играли донельзя скучно».

«Известия», 24 июня 1998 г.

«В клубе «Петрович», хозяин которого известный карикатурист Андрей Бильжо, так много произведений живописи, скульптуры и искусства ассамбляжа, что посещение его вполне заменяет посещение художественной галереи. Ознакомление со здешним меню с лихвой удовлетворяет скромные летние потребности в чтении. Особенно впечатляют такие главы, как «Петрович в командировке» (сосиски и сардельки), «Петрович вернулся из командировки» (котлеты), коктейли «Маргарита Петровна» и «Кровавая Маша», солянка «Сборная СССР» и солянка «Рыба, Петрович!» А блюдо от шефа — «фаршированный кусок мяса свиный» — называется просто и со вкусом: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

«Известия», 8 июля 1998 г.

— Кто? Скажите, кто!
— Существует понятие «врачебная тайна». Эту тему мы закрыли. Скажу только, что были среди них и достойнейшие наши политики.

— Им был поставлен неверный диагноз?
— Я бы сформулировал вопрос по-другому. С ними в пубертатный период явно что-то происходило, и это в истории болезни описано. Ведь диагноз может быть поставлен любой — это зависит от школы, представлений врача, его квалификации. Но по грамотно написанной истории болезни вы можете составить заключение и через сто лет. Возможно, по сегодняшним научным понятиям у них не было шизофрении, но очевидно, что эти люди в тот момент нуждались в госпитализации, во врачебной помощи.

— Ваши бывшие коллеги рассказывают, что вы ушли из психиатрии в результате неприемлемого конфликта с начальством.

— Да нет, ерунда. Все давно прощены.

— Скажите... Ой, простите, у меня вдруг вопрос из головы вылетел...

— Нормально, в психиатрии это называется «шперунг». В переводе с немецкого — закупорка. Сейчас вспомните.

— Вы так увлеченно говорите о психиатрии, как же решили с ней расстаться?
— Я не сделал ничего в своей жизни в силу рациональных соображений, а менял я в ней многое. Я поступил в медицинский институт из самых романтических побуждений. Это был 70-й год — хирург Мешалкин, хирург Амосов, фильм «Коллеги», белый халат, операционная, я вхожу, спасаю человека... Полная книжная чужь... Врачей у нас в семье не было, но я поступил сразу, без блага. А на экзамене по биологии, помню, поразил приемную комиссию рисунком легких. Они спросили: может, вам лучше в архитектурный поступать? Потом понял, что хирурга из меня не выйдет, увлекся психиатрией, но сразу по окончании института в психиатрии не попал, там был нужен. Тогда, опять же из романтических побуждений, я пошел на работу в Институт гигиены водно-транспорта.

— Как же там романтика?
— Это было связано с плаванием, с морями-океанами. Чудовищный оказался институт, никто ничем абсолютно не занимался. Утром ходили в магазин «Ленинград» — покупали бутерброды и портвейн, накрывали стол и...

— Извините, перебыло, сплавить-то удалось?
— Я был в плавании восемь месяцев. Очень интересно! Мы улетели в Находку, пересели там на плавбазу, где работали рыбообработчики и трапезники. Мы ловили скумбрию под Японией, попали в страшный шторм, где чуть не погибли, — эти восемь месяцев были абсолютно классные. Некоторые всю жизнь плавали, а такая шторма, как я, не пережили. Потом пересели на сухогруз, все обнулили и через Суэцкий канал, Босфор—Дарданеллы, через все моря-океаны пришли по зиме в порт приписки Севастополь.

— Дальние страны увидеть удалось?
— Я всем вру, что был в Сингапуре, но мы только проходили мимо. Флот того времени — это квинтэссенция советской системы. Если судно терпело аварию, то капитан не мог послать сигнал «SOS», не посоветовавшись с Большой землей. В Ленинграде или Севастополе собирались ка-

питаны-наставники и спрашивали, насколько там вас затопило, продержались ли еще. Все судами могли передать SOS, а мы не могли. Потому что за наше спасение государство приходилось платить. Мы, рискуя жизнью, шли спасать других: ведь в этом случае платили нам, и весь экипаж — от капитана до гальюнщиков — получал деньги. А если шли на помощь нам, то должно было платить государство. Так вот, после шторма, после тайфуна по имени «Джуди», — а в нем 45 японских калмаров погубило (это такие мелкие суденышки) погубило — мы встали лататься на острове Итуруп. Нашего острова. Нам не дали высадиться на берег! Просто на земле постоять, полежать на траве не дали! Трое суток экипаж смотрел на траву и не мог выйти на родную советскую землю!

— Ой, давайте вынырнем из этой темы. Я некоторое время назад задала вам вопрос: как вы решили расстаться с медицинской?

— Так я вам и отвечаю. Я всегда любил рисовать, мне нравилось делать карикатуры. Это была увлекательная гимнастика ума. Но первые упражнения мало отличались от обычных карикатур, которые печатали в то время в газетах. Но платили за них хорошо. Но в 86-м году я вдруг понял, что не обязан всю жизнь работать психиатром. Да, можно после защиты кандидатской стать завотделом, потом защитит докторскую, потом стать профессором, получить значок «Ветеран больницы Кащенко». Но можно всего этого и не делать! К тому же тогда началась невиданная художественная свобода. Можно было выставляться и продавать работы. Открылась Битца. И я поехал в битцевский парк, где тогда выставлялись и торговали художники. У меня много было знакомых художников — и пациентов, и друзей. Как раз в это время я ушел в отпуск для написания диссертации. Но все же наши коммерсанты портвейн в подворот-

не когда-то пили. Так что Петрович пошел. Хорошо пошел.

— Он вам многое дал: признание, известность, деньги...

— Главное, он дал мне возможность заниматься кучей других вещей. Не будь Петровича, я бы не занимался анимацией и мы не сделали бы 70 мини-фильмов. Правда, это не вполне анимация, но это, безусловно, кино. Кино про жизнь, про Петровича... И когда такие гениальные наши мастера мультипликации, как Норштейн или Татарский, говорят, что оно сделано хорошо, я просто краснею. До их похвалы я страшно комплексовал, не знал, получилось ли. Еще Петрович дал мне возможность сделать ресторан.

— Каково ваше реальное участие в создании ресторана «Петрович»?

— В ресторане есть закулисы — кухня, так это профессионально называется. Мое — это на сцене, — литературная идея, эстетика. Посуда моя, и не только тарелки с моими рисунками. Первые граненые рюмки и графинчики я сам делал, покупая в антикварных магазинах. Музыку сам выбрал. Весь аудиовизуальный ряд мой, названия блюд я придумывал.

— Кухня вас не интересует?

— Как высокое искусство — интересует.

— У вас есть собственные кулинарные идеи?

— Да, мы их обсуждаем. Но в «Петровиче» ведь изысков нет, там такая советская банальная история. Главное, чтобы было вкусно, по-домашнему, чтобы порции были большими. Но я могу сказать: почему у нас нет голубцов, давайте сделаем голубцы.

— А зачем голубцы? Вы ведь всю жизнь ели эти голубцы. Неужели не хочется попробовать что-нибудь другое?

— Все значительно сложнее. Во мне сработал дух противоречия. Идея ресторана возникла очень давно, шесть лет назад. Никакой ностальгии тогда и в помине не было, никаких старых песен о главном, поэтому такой ресторан и родился. «Петрович» — не ностальгия по социализму.

— По быту?

— По эстетике! Как вы не помните! Вспомните 93-й год. Ведь начали исчезать вещи.

— Какие вещи? Как исчезать?

— Например, все вещи красного цвета — флажки разные. Вся жизнь их было навалом, а потом вдруг враз не слышьшь. Стали исчезать предметы, родная, а в козлятах — всех нас. Но эту картинку могут поставить к тексту, например, про молоко. «Ваша мама пришла, молочка принесла». Я в волке вижу Путина, а в козлятах — всех нас. Но эту картинку могут поставить к тексту, например, про молоко. Не так остро получается, но что делать. Когда «Коммерсант» начинался, я рисовал на заказ, сидел всю ночь, приезжал с картинками к утру, выжатым как лимон. А начали делать ежедневную газету, вот тогда уже Петрович пошел. Володя Яковлев сначала напугался — как так, что за герой? У нас герой — коммерсант, а тут кепка, портфель, портвейн. Но все же наши коммерсанты портвейн в подворот-

— Да вы просто человек Возрождения — клад талантов!

— Да. Смотрите, я был с Шендеровичем в номинации на «ТЭФИ». Мы получили на фестивале анимационных фильмов диплом «Петровичу как культурному явлению». За дизайн ресторана «Петровичу» нам дали диплом на архитектурном конкурсе. За сам ресторан — премию на ресторанном конкурсе. Меня приняли в члены Академии графического дизайна. Про карикатуры я и не говорю. Теперь вот жду «Грэмми».

— Ваши песни похожи на рисунки, они душевные?

— Очень душевные, с элементами наива. Есть песня про телефон, про пейджер, про Москву. О чем мы еще не поговорили?

— О том, что вас сегодня беспокоит, о ваших социальных тревогах.

— Это серьезно. Скажу, не боюсь пафоса, что как гражданин меня прежде всего беспокоит ситуация с наркотиками: Этой проблемой никто серьезно не занимается. А ведь есть случаи, когда в наркомановость попадают целые районы, дома. Начинается просто наркоэпидемия. У нас нет нормальных наркологических клиник для подростков, нет продуманной национальной программы. Вот мне тут позвонил из одной газеты и спросил, как я отношусь к памятке Шемкина «Дети — жертвы взрослых». Он такой усталый хочет, за два, кажется, миллиона долларов. Меня это повергло в шок. Высшая степень цинизма — этих денег на нормальную клинику хватило бы. Меня многое тревожит, я человек социально зависимый. Тревожит ложь, политическая и социальная.

— Хотела спросить, как вам удается всегда сохранять невозмутимость...

— Не очень удачный вопрос.

— Вы всегда выглядите таким спокойным, самодостаточным.

— Я человек эмоциональный, нервноводущий и, как говорят, обладаю силой убеждения. Мне много раз приходилось доказывать свою правоту. Например, я придумал марку «Иван Поддубный» для молочных продуктов. Тогда никаких специальных названий не было, никакой «Милки Милы». Кефир и молоко — все. И я горжусь, что придумал русскую марку и вместе с рекламным агентством «РИМ» сумел доказать, что она нужна. А теперь вот появился «Чемпион» — думский борец Карелин. Ну что у нас дальше?

— Вы, наверное, пользуетесь своими медицинскими знаниями и всем мысленно ставите диагноз? Например, политикам.

— Мне это неинтересно. Ну можно сказать, что все политико — психопат. Поставил диагноз, и что? Кроме психопатии есть интеллект, знания, намерения. Мы ведь в «Итого» иронизируем, иногда зло, но с помощью иронии говорим о серьезных вещах, чтобы люди посмотрели на политические события с какой-то другой стороны. Ну как, получается у нас интервью?

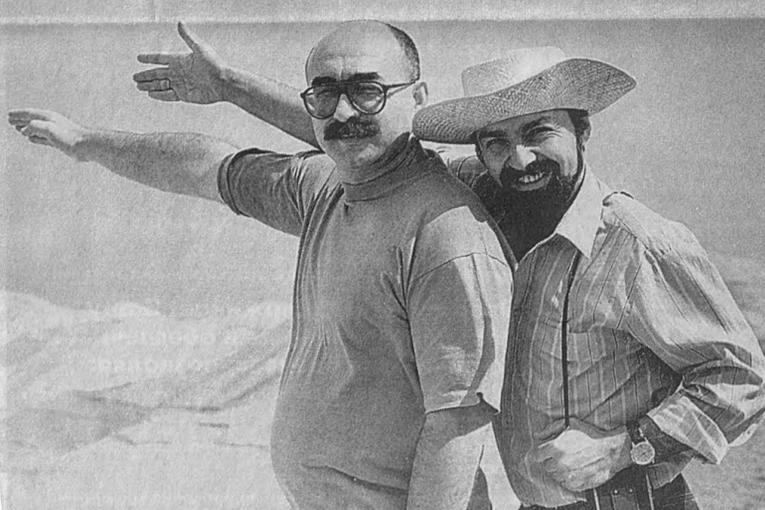
— Оно кончается, а я еще не успела спросить про планы на будущее.

— Я сейчас с ансамблем «Последний шанс» записываю диск своих песен. Стихи — стихи берем в кавычки — мои, музыка — музыку берем в кавычки — тоже моя. И пою в кавычках — тоже я.

Блицопрос

- Есть ли у вас нереализованная мечта?
— Это что вы имеете в виду?
- Ну, например, дом на берегу океана.
- Да, дом на берегу океана — это хорошо.
- Лучший город земли?
- Пусть я покажусь банальным — Венеция. Я о ней долго могу говорить...
- Ваш любимый напиток — водка, но какая?
- Кристалловская. Еще я очень люблю... как это называется?
- Шперунг.
- Да нет, темная водка, настойка, ага... польняная.
- У вас есть дорогостоящие хобби?
- Это какие?
- Ну, автомобили, трубки, сафари...
- Автомобили не люблю, не вожу и говорить про них терпеть не могу.
- А у вас есть спасительные недостатки?

- Я очень отходчив. Вспылю — и тут же забываю, даже если надо помнить.
- Главное достоинство вашей жены?
- А какие бываю?
- Ну не знаю... красота, нежность, снисходительность, ум. Вы ведь долго вместе прожили?
- Уже 25 лет. Значит, снисходительность. Но вы лучше все перечисленные напишите.
- Вы занимаетесь спортом?
- Нет.
- А болеете?
- Я здоров. А, вы в другом смысле. Нет, очень редко, разве за наших на чемпионатах мира.
- Вы сова?
- Определенно жаворонок.
- Предпочитаете блондинок или брюнеток?
- Дайте подумать... рыжих.

Все высоты будут взяты

Идентификация: 1) художник Андрей Бильжо, 2) писатель Виктор Шендерович

Ольга КАБАНОВА